

История

«То дело зело изрядно...» К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской духовной миссии в Пекине

© 2015

А.С. Ипатовна

В статье рассмотрены предыстория и обстоятельства появления в Пекине русской православной общины; проанализированы указ Петра I о распространении православия в Китае, событийная канва пребывания и деятельности в Пекине первой Российской духовной миссии. Особый акцент сделан на значении Кяхтинского договора 1728 г. в официальном закреплении статуса РДМК в цинском Китае.

Ключевые слова: Россия, цинский Китай, Албазин, Нерчинский договор 1689 г., Кяхтинский договор 1728 г., Петр I, С.Л. Владиславич-Рагузинский, император Сюань Е (Канси), Лифаньюань.

Православие пришло на китайскую землю в далеком 1685 г., а в конце 1715 — начале 1716 г. в Пекин прибыла Российская Духовная Миссия (РДМК), известная также как Пекинская миссия. Российская Духовная Миссия занимает особое место в истории российско-китайских отношений, в становлении и развитии отечественного китаеведения¹.

За 240-летнюю историю РДМК сменилось 20 ее составов. Основанная при втором императоре Цинской династии² Миссия была свидетельницей многих событий в истории Китая вплоть до начала 1950-х годов.

На протяжении 150 лет вплоть до открытия в Пекине иностранных дипломатических миссий в начале 60-х годов XIX в. РДМК выполняла роль неофициального дипломатического представительства России в китайской столице. Ни одно другое государство не имело в то время подобного учреждения в Цинском Китае. Возможно, что в условиях тогдашнего Китая с его закрытостью от внешнего мира³, только такого рода учреждение, каким была РДМК, могло, хотя и неофициально, представлять свое государство в Срединной империи, свой народ, его культуру и религию.

В последнее время возрос интерес исследователей к этому уникальному российскому учреждению за рубежом. В 2010 г. совместными усилиями Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и Института Дальнего Востока РАН был издан на русском и китайском языках фундаментальный труд «Православие в Китае». Издание было посвящено 325-летию появления православия на китайской земле.

Ипатовна Аида Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: lavrovaml@mail.ru.

Введены в научный оборот новые источники, необходимые для всестороннего объективного анализа деятельности Пекинской миссии за все 240 лет ее сложной, разносторонней и плодотворной деятельности в Китае, завершившейся в 1954 г. закрытием РДМК и образованием в 1956 г. Китайской Автономной Православной Церкви⁴.

Когда в 1935 г. Пекинская миссия широко отмечала 250-летие православия в Китае, начальник 20-й Миссии архиепископ Пекинский и Китайский Виктор, выступая на торжественном акте в Успенском соборе 23 июня, дал исчерпывающую оценку ее деятельности.

«Трудами многих поколений строилась Миссия, — сказал он, — молитвами святых подвижников освящено ее прошлое; Святитель Иоанн, Митрополит Тобольский, Святитель Иннокентий, Епископ Иркутский, принимали непосредственное участие в ее возникновении и развитии; много знаменитых ученых, много выдающихся политиков воспитала она в тиши своих стен; свидетельницей великих событий в истории Китая была она и не только свидетельницей. О многом рассказывает ее 250-летняя история... И в мирные спокойные времена не много таких учреждений, которые переживают не только поколения, но и целые эпохи, которые могут праздновать двухсотпятидесятилетний юбилей»⁵.

* * *

Появление православия, а затем и Российской Духовной Миссии в Китае стало следствием драматических событий на этапе становления российско-китайских отношений конца XVII в. В 40-х годах XVII в. произошли важнейшие в истории Китая и России события: завоевание Срединного государства воинственным племенным союзом маньчжуров, обитавших к северо-востоку от него, и основание в Китае маньчжурской династии Цин, с одной стороны, появление первых русских землепроходцев в Приамурье, обосновавшихся на берегах р. Амур, в основном на левом, в относительной близости от «вотчинных земель» новоявленных правителей Китая — с другой.

Земли, расположенные вдоль Амура, никогда не принадлежали маньчжурам, но маньчжурские войска периодически совершали набеги на улусы, угоняли местных жителей, включая женщин и детей, в центральную часть Маньчжурии, обезлюдевшую после переезда богдыхана со своим окружением и «восьмизнаменными» войсками в Пекин, в собственно Китай.

Складывавшаяся ситуация создавала благоприятные условия для освоения русскими новых земель на дальневосточных рубежах страны путем переселения туда из Сибири и других районов представителей разных сословных групп, от служилых людей, боярских детей, казаков, «государственных пашенных крестьян» до ссыльных и беглых. Московское правительство экономически поощряло заселение русскими людьми этого края.

Первопроходцы быстро обосновались здесь, благо природные условия располагали к тому: богатые зверьем и дичью девственные леса, реки, изобилующие рыбою, полноводный Амур, текущий на восток в сторону Тихого океана. В наиболее удобных местах вдоль рек выросли первые остроги (крепости), поселения, зимовья. Самый крупным из них был Албазинский острог, построенный в 1651 г. Е.П. Хабаровым на левом берегу Амура в стратегически важном месте. С 1682 г. — центр Албазинского воеводства.

Укрепив силой оружия свою власть на всем пространстве Срединного государства, Цины обратили внимание на Приамурье. Присутствие на берегах р. Амур русских людей обеспокоило их. Они предпочитали, чтобы Китай и Маньчжурия, как и прежде, граничили с зависимыми от них малочисленными кочевыми и полукочевыми народами.

Соотношение людских и военных ресурсов в Приамурье складывалось не в пользу Русского государства, что давало маньчжурам серьезное преимущество. В 1650–1670-х гг. параллельно с дипломатическим нажимом на русских послов Цины периодически совершали военные экспедиции против русских поселений. Однако в тот период они еще не были готовы к масштабным действиям по вытеснению русских из Приамурья. Не последнюю

роль играла в этом боевая выучка русских казаков. Особое впечатление производило на маньчжуров их искусство ведения рукопашного боя, владение огнестрельным оружием.

Самой крупной и исторически значимой военной акцией цинских войск в Приамурье была тщательно разрабатывавшаяся в течение нескольких лет цинскими стратегами при участии самого императора операция по овладению расположенным на левом берегу р. Амур Албазинским острогом. Его захват расчленил русские владения в этом крае.

Двукратная (в 1685 г. и 1686 г.) осада маньчжурскими войсками Албазинского острога определила дальнейшее развитие русско-китайских отношений и стала отправным моментом для появления православия в Китае.

В июне 1685 г. после детально спланированной и тщательно подготовленной операции многочисленное и хорошо вооруженное маньчжурское войско (от 10 до 15 тыс. человек) во главе с генералом Лан Танем осадило Албазин. Предпринятый осаждавшими штурм острога был отбит его защитниками числом не более 450 человек. Тем не менее, боевые действия стремительно развивались не в пользу осажденных.

Цинские войска обложили с внешней стороны стены острога дровами и хворостом и подожгли. Воевода А. Толбузин, не получив своевременного подкрепления из Нерчинска, был вынужден пойти на переговоры с противником, поставив условием, чтобы все албазинцы вместе с оружием были отпущены в Нерчинск. Условия осаждавших были жесткими: люди должны покинуть эти земли, Албазин — разрушен. После снятия осады, разрушения крепости и церкви оставшиеся в живых албазинцы, обобранные маньчжурами дочиста, пошли в Нерчинск «босые, раздетые и голодные, питаюсь травой и кореньем»⁶. Но часть защитников Албазина Лан Тань увел в Китай, как доказательство великой победы над могущественными «лоча»⁷.

По преданию, долгое время сохранявшемуся среди пекинских потомков албазинцев, к плененным (или сдавшимся добровольно в плен, по китайской версии) генерал Лан Тань обратился с предложением самим сделать выбор: возвратиться ли в родное Отечество или служить цинскому императору и принять его подданство. 101 человек выразили желание вернуться в Россию и служить своему государю, а 50 человек пожелали отправиться в Китай. Генерал приказал всех вести как военнопленных в Маньчжурию. Тех, кто пожелал служить богдыхану, приказал оставить на месте, определив их к земледельческим работам, а первых велел отправить в Пекин. Свое решение он объяснил в следующих словах: «Так как изъявившие желание вернуться в свою отчизну тем самым доказали верность природному своему царю, поэтому нельзя сомневаться, чтобы они не были также верными моему государю. А те, которые службу иноземному государю предпочли служению природному своему царю, не могут быть верными ни тому, ни другому господину, почему пусть и остаются в рабстве и под надзором местных властей в определенных местах»⁸.

Решение предложить албазинцам право выбора не было личной инициативой Лан Тани. Он действовал в соответствии с предостережением богдыхана от излишней жестокости: не убивать никого⁹, отпустив их в Нерчинск или Якутск, а тем, кто пожелает принять китайское подданство, не отказывать. Указ императора может служить документальным подтверждением приведенной выше истории появления русской общины в Пекине.

На этом албазинская трагедия не закончилась.

Цинские войска отошли к р. Аргунь, не потравив хлеба в поле, хотя такое предписание богдыхана было. Тем временем албазинцы во главе с А. Толбузиным вернулись на пепелище. Не встретив маньчжуров там, они быстро собрали урожай и снова засеяли поля, построили новый Албазин на месте прежнего. Особое внимание уделили оборонительным укреплениям, вырыли колодец, заготовили запасы хлеба.

На следующий год 6 июля многотысячное и хорошо вооруженное цинское войско снова подступило к Албазину. Началась осада острога, которая длилась 10 месяцев.

Московское правительство, получив сведения о военных действиях в Приамурье, не пошло на обострение отношений и предложило Цинам вооруженный конфликт, кото-

рый те называли карательной экспедицией «на истребление и привлечение русских», решить мирным путем, направив на границу с Китаем посольство во главе с Ф.А. Головиным¹⁰. Когда в Китае стало известно о подготовке московского правительства к мирным переговорам, осада Албазина была снята.

В результате сложных и многотрудных переговоров, проходивших под угрозой подступивших к Нерчинску маньчжуро-китайских войск, а также благодаря помощи миссионеров-иезуитов, выступавших в роли переводчиков и консультантов, цинской стороне удалось навязать русскому послу договор на крайне невыгодных для Русского государства условиях. Не последнюю роль в этом сыграла и до предела напряженная обстановка в Москве, регентша Софья в борьбе за власть торопила посла с заключением договора. Нерчинский договор 1689 г. был первым для Китая договором с европейским государством.

Договор нанес ощутимый ущерб России: отторжение части земель Приамурья, потеря до середины XIX в. (Айгунский договор 1858 г.) свободного судоходства по Амуру и выхода в Тихий океан¹¹.

Согласно 2-й статье договора, крепость Албазин должна была «до основания скрыта и разрушена», а все ее жители, подданные Российской империи, вместе со своим имуществом «должны быть выведены в земли Русской империи».

Статья 4-я определяла, что «те же подданные Русской империи, которые находятся в Китае, и Китайской империи — в России, пусть останутся в том же состоянии»¹². Таким образом официально закреплялось нахождение русских албазинцев в Китае. Как велико было общее число тех, кого увели в Пекин, трудно сказать. Отечественные источники и авторы приводят разные цифры: 25, 45, 151 человек, по данным китайских источников, их было более 40, 100 или 151 человек.

В донесении маньчжурского командования в Пекин о взятии Албазина, содержащемся в одном из важнейших китайских источников по русско-китайским отношениям «Пиндин лоча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских»), речь идет о 41 пленном: «Помощник начальника [гарнизона] Василий [Захаров] и с ним еще 40 человек, — говорится в нем, — отказались возвратиться, и поэтому мы их оставили. Подвластные нам перебежчики от монголов и солонов, а также взятые русскими в плен — все присоединились к нам»¹³.

О произошедших событиях император Сюань Е сообщил в листе русским государям Петру I и Ивану V о том, что «при взятии города больше сорока человек россиян перешли жить в китайскую сторону»¹⁴.

В одном из указов богдыхана снова упоминается «русский Василий»: «Сдавшиеся русские избегли смерти и были отпущены... Искренне перешедшие на нашу сторону русский Василий и другие устроены в Мукдене»¹⁵, т.е. в Маньчжурии. Как следует из процитированного выше указа, Василий [Захаров] был в числе тех, кто предпочел службу китайскому императору, и согласно преданию, его постигла незавидная судьба: рабский труд на полях Маньчжурии.

А в Пекине император Сюань Е пожелал посмотреть на русских храбрцев. Пораженный их мужественным видом, их боевой выучкой и рассказами цинских военачальников, участников военной экспедиции, об отваге защитников Албазина, он повелел оставить их в столице.

Как лиц военных, император Сюань Е, причислил пленников к императорской гвардии, занимавшей видное положение в системе «восьмизнаменных» войск. Определены они были в так называемую роту Гудэи или русскую роту¹⁶. Император положил им жалование наравне с маньчжурскими гвардейцами, выделил казенное жилье в северо-восточном углу китайской столицы близ Восточных ворот (Дунчжимэнь), в переулке Хуцзяцюань. Тем, кто пожелал, дали в жены вдов казненных преступников. Получили они в вечное потомственное владение и участки пахотной земли за городской стеной, которые не облагались налогами. Там же был выделен и участок земли под албазинское кладбище.

Служба не слишком утомляла албазинцев, и большую часть времени они проводили в безделье. Те из них, кто выучился говорить по-китайски или по-маньчжурски, стали первыми русскими переводчиками-толмачами в Китае. Случалось, что чиновники привлекали их к более серьезному переводу. Так, сохранились сведения о том, что сын плененного албазинца Яков Савин выполнял обязанности драгомана при Лифаньюане¹⁷. Некоторые албазинцы обучали детей состоятельных пекинцев русскому языку. Они помогали русским купцам, приходившим в Пекин с торговыми караванами, при их торговых операциях с китайцами, знакомили купцов с достопримечательностями китайской столицы, обменивались информацией. Для албазинцев, не обремененных службой и заботами о хлебе насущном, такое общение было особенно приятным и интересным.

Албазинцы не представляли себе жизни на чужбине без православной веры. Покидая родную землю, они насильно увели в Китай местного уже немолодого священника о. Максима Леонтьева¹⁸, захватив с собой небогатую церковную утварь, книги, иконы и среди них главную святыню: чудотворную икону святителя Николая Чудотворца¹⁹. В числе пленников оказался и бывший староста албазинской церкви иерей Дмитрий Нестеров, проживший в Пекине долгую жизнь при первых трех миссиях. По распоряжению императора Сюань Е, находившееся поблизости от домов албазинцев святилище китайского божества войны и богатства Гуань-ди переделали в православную часовню. Вначале эту часовню албазинцы называли Никольской в честь высокочтимой иконы св. Николая Чудотворца. Китайцы называли ее «лоча мяо», что в переводе на русский язык может означать и «Русский храм» или «Русский молебельный дом», и «Храм демонов».

После того, как митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий узнал от купцов, ходивших для торговли в Пекин, о существовании там группы русских людей и русской часовни, в 1695 г. он направил в китайскую столицу с торговым караваном священника и дьякона, а также все необходимое для церковной службы и освящения храма. В 1696 г. о. Максим вместе с прибывшими священнослужителями по наказу митрополита освятил часовню в честь Святой Софии — Премудрости Божией. Однако наряду с новым первоначальное наименование Никольская или Староникольская сохранялось за ней многие годы. Митрополит Игнатий направил о. Максиму свое послание, благословляя его на проповедь православия в Китае и приобщение китайцев к православной вере, прежде всего самого императора, его семьи и придворных.

Внешне эта первая в Китае русская православная часовня с галереей по периметру и входом с южной стороны больше напоминала буддийскую кумирню. Внутреннее убранство ее в первые годы оставалось очень скромным²⁰. Главную святыню ее составляла икона св. Николая Чудотворца с поднятым вверх мечом в правой руке и изображением белого храма — в левой²¹. Иконостас, судя по всему, делали сами албазинцы, возможно, с помощью католических христиан, которые затем писали иконы для часовни. Икон было мало, а священных сосудов еще меньше. Объясняя такое положение, иеромонах Николай (Адоратский) писал, что Тобольский митрополит Игнатий «пожертвовал последнее». Службу в часовне о. Максим начал в 1698 г., повенчал албазинцев с их китайскими женами, совершал церковные службы, став первым проповедником православия на китайской земле.

У истоков создания в Пекине Русской Православной Миссии стоял Петр I, определивший основные направления ее деятельности.

В силу исторической случайности или объективной потребности сошлись во времени и пространстве два различных по характеру, но значимых для развития российско-китайских отношений события: знакомство Петра I с положением дел в Западной Европе, особенно в сфере международных отношений, во время его участия в Великом посольстве (1697–1698) и получение им письма из Тобольска от главы Сибирского приказа думного дьяка А. Винуса²² с сообщением о существовании в далеком Китае небольшой русской православной общины, русской церкви, и о том, что многие крестились. «...Его по-еуропски Пекинг именуют, — писал он, — православные христиане ту-

точные, плененные и приезжие, создали и, построив совсем, посвятили церковь... и народ мног Китайской то видели, и вскоре по сих мужеска и женска полу взрослых 20 человек святое крещение себе восприяли, и мнозии желают... [п]ослан указ к Сибирскому архиепископу, чтобы, сыскав удобных свя[щенников], ученых мужей для проповеди туда и крещения, послал».

Через призму новых представлений о современной системе международных отношений и особой геополитической роли России в ней царь-реформатор расценил этот факт как имевший важное государственное значение. В ответном письме А. Виниусу он писал: «И то дело zelo изрядно. Только для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и иезуитов, которые уже там от многих времен гнездо имеют... К чему там надобны попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось то в Епаний»²³.

Судя по предостережению, содержащемуся в этом письме, Петр I был осведомлен о деятельности западных миссионеров в Китае, появившихся там задолго до того и во многом преуспевших не только в проповеди своей веры. Они занимали почетные должности астрономов, математиков, механиков, врачей, переводчиков при императорском дворе и имели определенное влияние на цинского императора и сановников. «Образованности иезуитов, их дерзким планам христианизации Китая сверху через обращение в католичество китайской знати и их умению приблизиться к императору православные должны были противопоставить сдержанность и разумность в поведении»²⁴.

С этого времени царя Петра интересовало все о положении русской общины в китайской столице, об отношении к русским и к православной церкви китайцев и китайских властей. А. Виниус распорядился, чтобы у комиссаров, возвращавшихся из Пекина в Нерчинск с торговыми караванами, подробно расспрашивали о жизни русских в китайской столице²⁵.

Сведения же поступали неутешительные, говорили о незавидном состоянии православной общины в Пекине, о более чем скромной церкви. Вполне допустимо предположить, что подобная информация была передана Петру I.

По возвращении из Европы царь Петр I издал именной указ от 18 июня 1700 г. о неотложных мерах по распространению православия в Сибири и Китае. Указ означал поворот Петра I к активной политике в отношении Китая, основанной на осознании им важного для международных отношений геополитического положения России между Западом и Востоком, и был направлен на повышение ее роли в мировой политике.

Другое направление, намеченное в указе, — торговля — развивалось в XVII в., а введение Петром I в 1698 г. казенной караванной торговли было призвано придать ей новый статус и новое содержание.

Таким образом, указ 1700 г. был первым официальным документом молодого царя, определившим основные направления, по которым должны развиваться российско-китайские отношения, призванные стать главными на том этапе каналами сближения России с Китаем, русского народа с китайским, русской культуры с китайской.

Это был радикальный шаг в изменении политики молодого царя-реформатора в «делах китайских». Н. Адоратский характеризует указ как «замечательный», «обеспечивший будущность Православной миссии в Пекине»²⁶.

Стремясь через православную веру сблизить Россию с ее дальневосточным соседом, Петр I наметил в указе ряд неотложных мер по распространению православия в Китае.

Говоря о путях распространения и утверждения православной веры в Сибири и Китае с патриархом Андрианом, царь Петр распорядился писать киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому, 1627–1707), чтобы тот привел с собою «добрых ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку

и грамоте научиться, и познать местныя «суеверия». Эти священнослужители должны были «тамо живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отводить, и тамо могли бы жити, и у той построенной божией церкви служить»²⁷. Эти люди своим благим житием «хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российскому народу людям, которые по все годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных»²⁸.

Таким образом, следуя указу, в первую очередь нужно было заботиться о сохранении православной веры у русских людей, находившихся в Китае или прибывавших туда, затем уже обратить внимание на приобщение к православию китайцев во главе с императором, и его ближайшего окружения.

В указе названа и конкретная епархия: Малороссия, где лучше всего можно будет подобрать подходящих для служения в Китае проповедников. Петр I руководствовался тем, что тамошние священнослужители были более образованны и имели опыт борьбы с римско-католическим влиянием, что в Китае было не менее важно, чем на Украине. На этом акцентируют внимание многие исследователи, в том числе и Н. Адоратский: «Взор русского Государя обратился от севера на юг — к устойчивым натурам малороссов, закалившихся в своей борьбе с католичеством и владевших тогда относительно большим просвещением»²⁹.

Оценивая значение указа от 18 июня 1700 г. для внешней политики России на дальневосточном направлении, Н. Адоратский резюмирует: «В нем ясно отражается дальнзоркий гений мощного преобразователя России, не упускавшего из виду событий на крайнем востоке»³⁰.

Оперативное издание этого указа свидетельствует о том, что царь-реформатор усмотрел в самом факте нахождения в Пекине русской общины реальную возможность установления более тесных и регулярных связей с Цинским Китаем. Таким образом, Российская Духовная Миссия в Китае изначально рассматривалась им не только как чисто религиозное учреждение. На протяжении нескольких лет царь Петр не оставлял мысли об отправке в Китай русских священнослужителей. В 1703 г. он повторил свой указ Сибирскому митрополиту, а в 1706 и 1710 гг. напомнил о важности подготовительных мер для распространения православия в Китае. Однако Цины не спешили удовлетворять просьбу русских.

В 1704 г. в ответ на письмо А. Винуса с просьбой принять в Пекине двух русских священников чиновники Лифаньюаня заявили, что такие письма они принимать не будут.³¹

Так, в 1711 г., выполняя инструкции светского и духовного начальства, находившийся в Пекине комиссар торгового каравана Г. Осколков обратился к китайским властям с просьбой, чтобы они разрешили прислать из России в Пекин священнослужителей, ссылаясь на престарелый возраст о. Максима. Просьба осталась без внимания.

Тем временем, по свидетельству комиссаров, ходивших с торговыми караванами в Пекин, в среде албазинцев происходило отчуждение от православной веры под влиянием инокультурного окружения, в котором они находились уже на протяжении многих лет. Не последнюю роль играли в этом китайские жены, приобщавшие своих русских мужей к духовным традициям китайского общества, к нормам поведения в соответствии с конфуцианской моралью.

По возвращении в Россию очередного каравана купцы сообщили об этих наблюдениях и, возможно, о жалобе о. Максима на свою паству Тобольскому митрополиту Филофею (в схиме — Феодору). В 1711 г. митрополит направил албазинцам обличительную грамоту, которая оказала благотворное воздействие на них и вернула их в лоно православной веры.³²

Тем временем в 1711 г. или начале 1712 г. скончался первый православный пастырь в Китае о. Максим Леонтьев, и албазинцы обратились к находившемуся тогда в Пекине комиссару торгового каравана П.Р. Худякову с просьбой получить у китайских вла-

стей дозволение прислать к ним нового священника. Худяков посоветовал им самим обратиться к пекинским властям и пообещал подкрепить их просьбу своим участием. Он представил в Лифаньюань доклад, составленный на основе просьбы албазинцев. Император Сюань Е дал согласие на прибытие в Пекин русского священнослужителя и просил прислать ему доктора, искусного в наружных болезнях³³. С просьбой прислать к ним священника албазинцы обратились также к Тобольскому митрополиту и к Петру I³⁴.

По времени это совпало с подготовкой цинским двором посольства к калмыкам, обитавшим в нижнем течении Волги. Путь следования цинских послов к хану Аюке лежал через российские земли, поэтому китайским властям необходимо было получить на то разрешение российской стороны. Лифаньюань объявил комиссару П.Р. Худякову «взять с собою оных послов, по силе мирных договоров, на границе с честью их принять и, дав им корм и подводы, через сибирские города пропустить к Аюке Хану»³⁵.

15 июня 1712 г. цинское посольство в составе 6 послов и 26 рядовых участников выехало из Пекина в сопровождении комиссара П.Р. Худякова, который спешил в Россию, чтобы сообщить о согласии цинского императора на прибытие в Пекин российского священнослужителя. Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин без промедления направил это важное известие в Петербург. Царь Петр предписал Тобольскому митрополиту Иоанну (Максимовичу) выбрать из достойнейших людей для служения в Китайском государстве не одного, а нескольких священнослужителей: архимандрита и с ним священника, дьякона и причетников.

В конце 1712 — начале 1713 г. Тобольский митрополит утвердил состав 1-й Российской Духовной Миссии из 10 человек: три священнослужителя и семь церковников во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). П.Е. Скачков и архим. Софроний (Грибовский) называют 8 причетников. В 1727 г. к ним присоединились три ученика 2-й миссии, прибывшие в Пекин раньше ее священнослужителей³⁶. Получив все необходимое для ведения церковной службы и подъемные, миссия ожидала цинских послов в г. Тобольске. Хотя цинское посольство направлялось не к русскому двору, оно было принято сибирскими властями на самом высоком уровне русского гостеприимства.

На одном из многочисленных обедов, которые устраивал в Иркутске сибирский губернатор М.П. Гагарин в честь цинского посольства, зашел разговор и о направлении русских священников в Пекин. Послы сообщали, что цинский император «во удовольствие того прошения (П.Р. Худякова. — *А.И.*) ламов [попов] прислать повелел; да оному их комиссару также было приказано, чтоб прислать к нам одного доктора, в излечении наружных болезней искуснаго, ежели имеется в их российской земле; и что нам повелено взять их, русских ламов и доктора, буде они пошлются с нами, тогда, как мы назад поедем. Обо всем оном деле сказал нам на то Гагарин, что попы находятся у него в готовности, а доктора искуснаго у него не находится, но он писал о том в Москву и уповае, что к тому времени придет, как мы назад поедем»³⁷.

В историографии РДМК нет единообразия относительно времени ее прибытия в Пекин. Разброс в датах от апреля 1715 г. до начала 1716 г., так как возвращалось посольство двумя группами.

В конце 1714 или начале 1715 г. на обратном пути китайские послы испросили у сибирского губернатора М.П. Гагарина разрешение «наперед» отправить двух из 6 послов, Наяна и Тулишэня с донесением императору, поскольку дела, порученные посольству, были завершены. Получив согласие губернатора, 16 января 1715 г. два посла в сопровождении четырех сопровождавших их из числа свиты отбыли из Тобольска и прибыли в Пекин 19 апреля 1715 г.³⁸ Основной состав посольства вместе с членами 1-й Российской Духовной Миссии, покинул Тобольск 3 февраля 1715 г. и к концу 1715 — началу 1716 г. прибыл в Пекин. Дорога от Тобольска до Пекина заняла так много времени, потому что в летнюю пору посольство предпочло водный путь по рекам Оби, Кеми, Енисею и др.³⁹ На-

чальник 8-й миссии (1794–1807) архим. Софроний (Грибовский) датирует их прибытие в китайскую столицу 11 января 1716 г.⁴⁰

Отправляя миссию в Китай, российское правительство положило на ее содержание по 100 руб. в год начальнику, по 80 руб. священнику и дьякону, певчим по 10 руб. на человека. Деньги должны были доставляться из Иркутска в Пекин с казенными торговыми караванами ежегодно. Однако и это более чем скромное жалование члены миссии получали не в рублях, которые в Китае не имели хождения, а мехами, поступавшими в Иркутск от сбора ясака, и сами должны были продавать их в Пекине китайским купцам порою за бесценок из-за плохой выделки шкур, что существенно снижало их стоимость.

1-я миссия (1715/16–1728) была встречена в Пекине с большим почетом, несмотря на то, что российские власти не успели направить с ней врача для богдыхана. Но просьбу его российский император выполнил⁴¹. Всех членов миссии император Сюань Е причислил к чиновному сословию, находившемуся на высокой ступени социальной иерархии Цинского Китая. Начальнику миссии был присвоен высокий придворный ранг чиновника 5-й степени, священнику и дьякону — чиновничий ранг 7-й степени, а причетников причислил к военному сословию⁴². Сверх того все члены миссии получили казенные квартиры в непосредственной близости от православной церкви албазинцев.

Китайский император повелел выдать в качестве единовременного пособия начальнику миссии 800 лян серебра⁴³ (1500 руб. по курсу того времени), ему же на служителя 700 лян (около 1100 руб.), иеромонаху и иеродьякону по 500 лян и на служителей по 400 лян, церковникам по 300 лян и на служителей по 150 лян каждому. Архим. Софроний (Грибовский) ошибочно считает, что на эти деньги члены 1-й миссии обзавелись жильем⁴⁴. Более того, Лифаньюань ежемесячно должен был выплачивать жалование в деньгах: священнослужителям по 4¼ лян (офицерский оклад), церковникам по 1½ лян и сверх того из казенных магазинов по 3 мерки риса каждому. Снабжали обильно и другими продуктами: через каждые 5 дней поставляли баранов, гусей, уток, кур. Вплоть до спичек все было казенное. А по прошествии каждых трех лет полагались деньги на одежду: архимандриту 40 лян, священникам по 30 лян, остальным по 20 лян. Также, как в свое время албазинцам, император Сюань Е предложил членам миссии китайских жен. Двое из церковников женились, а прежде того их китайских жен окрестили, сами они перешли на службу в русскую роту. Изучивших китайский и маньчжурский языки император Сюань Е приказал впоследствии привлекать для перевода его переписки с российским Сенатом⁴⁵.

В знак особого уважения цинский император назначил в качестве пристава РДМК «самого любезного своего вельможу, чином генерала», который должен был навещать к начальнику миссии, справляться о его здоровье, о нуждах миссии. По словам Софрония (Грибовского), между Илларионом (Лежайским) и приставом миссии сложились доброжелательные отношения. Такой чести впоследствии не было оказано ни одному архимандриту приставами значительно более низшего чина, а некоторые из них даже не желали общаться с начальниками РДМК⁴⁶.

В подобном великодушии просматривается и определенный подтекст. Поступая таким образом, цинский император тем самым не отходил от существовавшего в китайской традиции «обыкновения» или «обычая» («*ли*») в отношении иностранцев, так как переводил тем самым членов РДМК из варваров в категорию лиц, поступивших на императорскую службу. Такой прием в отношении русских людей в свое время использовался цинскими властями в приписании к военному сословию албазинских пленников, а впоследствии и в отношении русских учеников, формально приписанных к Гоцзыцзянь (правительственное учебное заведение типа лицея при цинском дворе), которых Лифаньюань также должен был снабжать одеждой, продуктами питания и выделять бесплатно учителей китайского и маньчжурского языков⁴⁷.

Приезд в Пекин для членов Российской Духовной Миссии практически означал перемещение в иной цивилизационный мир, мир традиционного Китая с его закрытым обще-

ством, где тысячелетиями господствовали конфуцианские нормы, культивировались китаец-центристские представления о мироустройстве и высокомерным отношением к иноземцам-варварам. Изнуряющим был и пекинский климат. Все это и многое другое пришлось в полной мере испытать на себе и членам 1-й Российской Духовной Миссии в Китае.

О жизни и деятельности ее известно очень мало. Известно лишь, что архим. Илларион оправдал надежды Петра I и оказался человеком «разумным и покладным». Высокая нравственность и добропорядочность архим. Иллариона снискали ему заслуженное уважение и членов миссии, и паствы, и даже самого цинского императора, который каждый месяц специально направлял к «русскому ламе» чиновника справиться о его здоровье и нуждах миссии.

А миссия, обустроившись на новом месте, начала богослужение, вызвавшее в Пекине небывалый интерес. Убранство церкви, красочное, особенно в праздничные дни, облачение священнослужителей, красивое и стройное песнопение привлекали в русскую церковь не только албазинцев и членов их семей, но и многих пекинцев, включая сановных особ.

Чтобы повысить авторитет миссии, привлечь интерес к ней местных жителей, архим. Илларион эффектно устраивал свои выезды в город, «употреблял передовых два вершника*, а по обеим сторонам коляски по одному вершнику, к чему он и церковников брал, каковым выездом немалую показывал, по тамошним обыкновениям, благопристойность, ибо такой экипаж у китайцев в немалом почтении»⁴⁸. С членами миссии держался просто, соблюдая общую трапезу, основанную на монастырских началах.

Однако при общем благоприятном отношении цинских властей к 1-й миссии и прежде всего к ее начальнику существовали и проблемы. Прежде всего отметим порядок, установленный китайскими чиновниками при выдаче довольствия. Первого числа каждого месяца члены миссии должны были сами приходить в Лифаньюань за причитавшимся им содержанием. Такая постановка дела, с одной стороны, уравнивая всех членов миссии, подрывала авторитет ее начальника, делала подчиненных в определенном смысле независимыми от него, а с другой, — постоянно напоминала о том, что члены миссии находятся на службе и содержании у китайских властей. Неоднократные обращения архим. Иллариона с просьбой, чтобы все довольствие выдавать одному человеку, а начальник сам бы распределял его между членами миссии, китайские власти игнорировали.

Возникавшие в 1717 и 1718 гг. осложнения в сфере российско-китайской торговли⁴⁹ негативно отражались на положении 1-й миссии. Со временем существенно сократилось и дополнительное довольствие, предоставлявшееся поначалу китайской стороной.

Несмотря на такого рода проблемы, положение 1-й миссии в Пекине в целом складывалось неплохо: материальных трудностей она не испытывала, китайские власти относились к ней уважительно и благосклонно. Тем не менее, на долю первых (после о. Максима) проповедников православия в Китае выпали тяжелые испытания. Отправляясь в далекую, неведомую страну, духовные первопроходцы не представляли себе, что их ожидает там. Годы оторванности от Родины и родных, от православной среды, рождали непроходящую тоску, непривычный климат вызывал частые болезни, нужно было приспосабливаться к совершенно иным условиям быта. Осложнял жизнь членов миссии в Китае и труднопреодолимый, особенно в первые годы пекинской жизни, языковой барьер. Словом, все или почти все было иным, чем в привычном укладе их российской жизни. Родной и благотворной нитью, связывавшей их с Россией, была вера. Служение православию поддерживало их духовно. И все-таки не все выдержали выпавшие на их долю испытания.

Адаптация членов 1-й миссии к пекинской жизни проходила крайне тяжело, как это всегда бывает с первопроходцами. И, как следствие, по прошествии некоторого вре-

* Верховой, конник, фореитор.

мени причетники Иосиф Афанасьев, Федор Колесников и Андрей Попов вернулись в Россию. А вскоре миссия лишилась своего пастыря.

По дороге с лечения на теплых источниках, что в 22 км от Пекина, скончался начальник миссии архим. Илларион⁵⁰. Как и с датой прибытия миссии в Пекин, так и с датой кончины архим. Иллариона нет точной информации. Одни авторы называют 14 октября 1717 г., другие — 20 или 26 апреля 1718 г., а также октябрь 1718 г., не позднее 22 декабря 1719 г. Похоронили архимандрита Иллариона на албазинском кладбище рядом с могилой о. Максима Леонтьева, установили крест белого мрамора с обозначением даты его кончины.

Во время пребывания в Пекине 15-й миссии (1865–1878) по инициативе начальника миссии архим. Палладия (Кафарова) с разрешения китайских властей по согласованию с российским посланником прах архим. Иллариона был перенесен с албазинского на уже существовавшее миссийское православное кладбище с подобающим почетом. Возможно, именно тогда и было установлено новое надгробие в виде большой плиты с надписями на церковно-славянском, китайском и маньчжурском языках. Русский текст гласит: «1717 год. Скончался священно-архимандрит Илларион, прозванием Лежайский. Поживе 60 лет погребен здесь»⁵¹. Китайский и маньчжурский тексты несколько отличаются от русского, а время смерти датируется 57-м годом правления Канси, что соответствует 1718 г. Возможно, эта дата относится ко времени установления первого памятника-креста.

Спустя некоторое время после кончины начальника 1-й миссии оставшиеся члены ее обратились в Лифаньюань с просьбой доложить цинскому императору о необходимости прислать из России в Пекин нового начальника миссии. По представлению Лифаньюаня император Сюань Е распорядился отправить в Россию двух членов миссии на полном коште цинской стороны с листом от Лифаньюаня к сибирскому губернатору М.П. Гагарину, в котором сообщалось, что «в нынешнем же году» скончался «ваш архимандрит Илларион». Лист не датирован и заканчивался следующим предложением: «Ты же, Гагарин, определи, хочете ли оттуду сюды прислать втараго архимандрита или к вам возвратить оных, иже здесь суть и к нам от вас пришли»⁵². Доставить лист в Россию Лифаньюань поручил дьякону Филимону и церковнику Григорию Смагину, пожелавшим вернуться на Родину. В сибирском губернаторстве лист был получен 22 декабря 1719 г. и губернатор М.П. Гагарин переслал его в Сенат⁵³. В результате в Пекине остались 4 члена 1-й миссии: 1 священник и 3 церковника. В ожидании решения Петербурга они продолжали отправлять свои обязанности.

Судя по письму тобольского митрополита Филофея (Феодора) сибирскому губернатору М.П. Гагарину от 4 апреля 1719 г., известие о кончине начальника 1-й миссии пришло в Сибирь значительно раньше от комиссаров торговых караванов, ходивших в Пекин. Митрополит просил сибирского губернатора доложить Петру I об открывшейся возможности направить в Китай главой Российской Духовной Миссии священнослужителя «чином повыше»⁵⁴.

А в конце того же года митрополит Филофей шлет письмо Петру I, где уже более четко формулирует мысль о необходимости повышения статуса РДМ в Китае, назначив начальником ее не архимандрита, а архиерея:

«А в первых веках, да умножится церковь и христианская вера, многие кровь свою проливали. Ныне же за благополучной вашего Царского Величества державы безкровье сами того неверныи требуют, чтобы быть там делателем добрым и разумным людем хочь бы и высшаго чина, то усердно примут для всякого дела.

И о сем ты, Великий Государь, что укажешь»⁵⁵.

Исходя из того, что решение вопроса о дальнейшей судьбе РДМ в Китае Лифаньюань предоставил российской стороне, в Петербурге приступили к подготовке новой миссии.

Идея учреждения в Китае православной епископии была поддержана российским императором, так как этот шаг открывал более широкие возможности для распространения там православия. Находясь в Китае, епископ мог производить рукоположение в священнослужители достойных людей из числа как потомков албазинцев, так и самих китайцев, не направляя их в Россию.

14 февраля 1721 г. Святейший Правительственный Синод совместно с Сенатом доложили императору о кандидатуре будущего епископа, в то время иеромонаха Иннокентия (Кульчицкого)⁵⁶, запросив его о посвящении новоизбранного начальника РДМК в сан епископа Иркутского и Нерчинского. Царь Петр I рассудил: «В архиереи посвятить, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине (Китаю. — *А.И.*), чтобы иезуиты не перетолковали инако и бедства б не нанесли»⁵⁷. Примечательно, что царь не первый раз высказывает мысль о том, что православную миссию в Китае подстерегает опасность со стороны западных миссионеров. И митрополит Федор также был наслышан об активной деятельности западных проповедников в Китае.

Указом от 7 марта 1721 г. начальником 2-й миссии был назначен епископ Переяславский Иннокентий (Кульчицкий). 21 апреля правительствующий Сенат направил специальный лист в Лифаньюань, а двумя днями раньше епископ Иннокентий со свитой покинул Петербург и отправился в путь.

На границе они остановились и вместе с торговым караваном стали дожидаться разрешения цинских пограничных властей на въезд в Китай. Китайская сторона отказывалась принять епископа («такую превеликую особу») и соглашалась лишь на архимандрита и священников.

Хотя в листе Сената не говорилось о высоком сане нового начальника миссии, он был назван лишь духовной особой, господином Иннокентием (Кульчицким), тем не менее в Пекине, видимо, стало известно о намерениях российского правительства. Из-за проволочек китайских пограничных властей, длившихся не один год, и противодействия западных миссионеров, миссию Иннокентия (Кульчицкого) цинское правительство так и не пропустило в Китай, и прибытие 2-й миссии во главе с архим. Антонием (Платковским) задержалось на несколько лет⁵⁸. Учреждение в Китае православной епископской кафедры стало возможным почти два века спустя в иную историческую эпоху.

Весть о кончине начальника 1-й миссии архим. Иллариона (Лежайского) совпала с направлением в Китай Л.В. Измайлова⁵⁹ в ранге чрезвычайного посланника во главе многочисленного посольства (90 человек) для переговоров о возобновлении прерванной китайской стороной русско-китайской торговли и разрешения всех спорных вопросов. В том числе с российской стороны предлагалось оставить в Пекине в качестве русского консула Лоренца Ланга⁶⁰ для защиты интересов пленных албазинцев и их потомков, а также прибывавших в Пекин русских торговых караванов.

В связи с этим Л.В. Измайлову было поручено инструкцией Коллегии иностранных дел следующее: «Ему же, чрезвычайному посланнику, буде усмотрит к тому удобной случай, старание свое приложить, чтоб ханово величество соизволил на постройку церкви благочестивыя греческого исповедания для приезжающих подданных купцов его царского величества и для пребывания тамо священников, как то от них позволено римского исповедания священником езуитом, и на строение церкви оной дано б было место, которая ис казны его царского величества построена быть имеет»⁶¹. Аналогичную инструкцию получил российский посланник и от Коммерц-коллегии. По независящим от Л.В. Измайлова обстоятельствам, он не смог выполнить ни одного из пунктов данных ему инструкций.

В 1722 г. скончался император Сюань Е, трон перешел к третьему императору Цинской династии Инь Чжэню⁶². По свидетельству российского чрезвычайного посланника и полномочного министра С.Л. Владиславича-Рагузинского⁶³, новый правитель Китая был человеком крайне жестоким, жадным и злобным. Как говорили посланнику китайские сановники, он не щадил даже собственных родственников, вплоть до их уничтожения⁶⁴.

Долгие и крайне трудные переговоры российского посла с цинской стороной во многом подтверждают справедливость этих характеристик нового императора. Таким образом, ситуация, при которой направлялась в Китай 2-я миссия (1729–1735), была иной, чем при появлении там 1-й миссии РДМК.

Российские правительственные и церковные власти, проявили большую заботу при подготовке 2-й миссии. Важную роль в этом сыграл находившийся в то время в Пекине и на границе С.Л. Владиславич-Рагузинский. По заключении 20 августа 1727 г. Буринского договора С.Л. Владиславич-Рагузинский проявил оперативность и последовательность в решении этого вопроса. Ссылаясь на предварительные устные договоренности с министрами, с которыми вел переговоры на границе у р. Бура, он добился от них разрешения на скорейший пропуск в Китай торгового каравана и с ним 3-х учеников 2-й миссии.

Неудача с попыткой учреждения в Китае православной епископии не обескуражила посланника и по его настоянию в Кяхтинский договор была включена специальная 5-я статья о Российской Духовной Миссии в Китае.

«Коэн или дом, который ныне для российских в Пекине обретается, — записано в договоре, — будет для россиян и впредь приезжающих, оные сами будут жить в сем доме. А что российский посол Ильирийский граф Сава Владиславич представлял о строении церкви, зделана в сем доме вспоможением вельможей, которые имеют надсмотрение в делах российских. В сем доме будет жить один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы (священника), которые придут, как решено. Когда придут, дастся им корм, как дается сему, который прежде приехал, и при той же церкви поставлены будут. Россияном не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроме того, четыре мальчика учеников и два побольшого возраста, которые по-русски и по-латыне знают и которых посол российский, Ильирийский граф Сава Владиславич, хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмуться назад»⁶⁵.

Кяхтинский договор официально закрепил статус РДМК, ее постоянное пребывание в Пекине, местоположение, содержание, выдаваемое китайской стороной, численный состав священнослужителей и учеников, а также возраст последних, которые также должны были жить при миссии. Цинские власти строго следили за тем, чтобы российская сторона не превышала установленный договором численный состав РДМК в 10 человек (священнослужители и ученики).

Ограничивал договор и масштабы православной проповеди в Китае средю русских людей, что означало определенный отход посланника, основного его автора, от замысла Петра I в отношении роли православия в сближении России с Китаем.

Анализ документов посольства, Статейного списка С.Л. Владиславича, а также его действий в вопросах о РДМК не позволяют рассматривать данный шаг посланника как *недооценку* им духовного фактора в политике России в отношении Китая.

Талантливый дипломат и опытный государственный деятель С.Л. Владиславич трезво оценивал опыт предшествующих официальных посольств России в Китай, драматические для нее условия и последствия Нерчинского договора, и памятуя наказ царя Петра, предостерегавшего от поспешности в распространении православия в Китае, поступал осмотрительно и неспешно, чтобы не навредить развитию российско-китайских отношений. При выработке текста Кяхтинского договора посланнику пришлось пойти на определенные уступки цинской стороне, в том числе и по поводу деятельности РДМК, что позволило ему в позитивном ключе решить главные на тот момент задачи межгосударственных отношений — разграничение и развитие торговли.

Свидетельством последовательности и твердости позиции российского посланника, в том числе и по поводу РДМК, служит текстологический анализ документов пере-

говорного процесса, текст самого договора, где рефреном идут вставки цинских министров «Сава хочет»*.

Согласно договору, китайская сторона предоставила в распоряжение РДМК так называемый Русский или Посольский двор. Это место давно было обжито русскими людьми: сюда приходили торговые караваны из России, прибывали гонцы и курьеры, останавливались посланники. Именно оно было выбрано С.Л. Владиславичем-Рагузинским для Посольского двора, а затем и для резиденции РДМК.

Расположенный в одной из самых оживленных частей внутреннего города на улице Дунцзяоминасьян⁶⁶ Посольский двор отстоял «от государева дворца в полверсты на полдень (т.е. на юг. — *А.И.*); от главного купеческого города, что за воротами, называется Цинь-мин⁶⁷, около российской версты, а от большой городской стены на север не более четверти версты; от иностранной же коллегии, или, как российские называют, от иностранного трибунала, с небольшим полверсты»⁶⁸. С.Л. Владиславич-Рагузинский выбрал Посольский двор из-за близости к Лифаньюаню и главному торговому району Пекина, современной ул. Цяньмэнь дацзе (с 1963 г.).

Выбранный послом комплекс зданий был построен еще при Минской династии⁶⁹ в 1441 г. и вначале принадлежал одному из вассальных князей. После его смерти там стали размещать посольства различных соседних государств, прибывавших в Пекин с «данью» к императорскому двору. И, как сказано выше, там часто останавливались русские люди: торговые караваны, гонцы, курьеры и др. Именно там размещались посольства Л.В. Измайлова и С.Л. Владиславича-Рагузинского, пекинский раунд переговоров которого с цинскими министрами о заключении договора также проходил там. А еще раньше, 109 зимних дней и ночей 1693 г. на территории Русского двора провел российский посланник И. Идес. Называлось это место Хуэйтун гуань, но со временем за ним закрепилось другое название — «Элосы гуань» (Русский двор) или, как тогда его называли пекинцы — «Элосу гуань».

По свидетельству китайских источников и в сочинениях китайских историков — цинских (Хэ Цютао) и современных (Цай Хуншэн и др.), это был обширный комплекс зданий, разделенный на северную часть из 6 домов и южную — из 3-х, в общей сложности строения в северной части насчитывали 376 помещений, а в южной — 387⁷⁰. Одну из этих частей комплекса передали РДМК (монастырю), а другая осталась для торговых караванов и других приезжавших из России людей (см., например: Журнал курьера В.Ф. Братищева)⁷¹.

Архим. Софроний так описал внешний вид Русского или Посольского двора:

«Сей дом, по обыкновению китайскому, имеет четыре ворота. Посредине двора большая гостинная зала, а по сторонам довольноное число построено в линию на подобие казарм покоев, коих для малых караванов, приезжающих с мяжкой рухлядью, для вымену на серебро в дачу архимандриту с прочими в жалованья, очень довольно»⁷².

Новое подворье стало именоваться Нань-гуань, т.е. Южное подворье и служило главной резиденцией РДМК вплоть до начала 60-х гг. XIX в.

По реляции С.Л. Владиславича-Рагузинского св. Синод повысил жалованье всем членам миссии и ученикам: архимандриту — 550 руб. в год и на церковные нужды 50 руб., священнослужителям и ученикам по 130 руб., но вскоре эта сумма была повышена до 200 руб. Позаботился об улучшении финансового положения миссии и агент Л. Ланг, по донесению которого, Сенат в сентябре 1730 г. распорядился выдавать жалование в на-

*Так, кроме процитированной выше 5-й статьи договора, в 9-й статье тексте записано: «... которых посол российской Ильирийский граф Сава Владиславич хочет оставить в Пекине для обучения языков». В статье 9-й читаем также: «... как посол российской Слава Владиславич Ильирийский граф решил, так и утверждено».

чале каждого года на год вперед, «дабы оные (члены миссии) в таком отдаленном краю без жалования не претерпевали нужду»⁷³.

Кяхтинский договор не содержал конкретных указаний на размеры и виды довольствия, которые должна будет выдавать членам миссии и ученикам китайская сторона. Сказано лишь, что дастся им (священнослужителям. — *А.И.*) корм, как дается сему, «который прежде приехал», а ученикам «корм дастся... из царского иждивения». Действительно, размеры денежного содержания были сохранены те же, что и для 1-й миссии. Сверх того всем одинаково выдавался рис из расчета 1 фунт в день на каждого человека и необходимый объем воды из близлежащего колодца, принадлежавшего Лифаньюаню. Сохранились и выплаты на одежду, также один раз в три года. По утверждению архим. Софония, дополнительное содержание, подобное тому, какое имели члены 1-й миссии, после заключения договора «вовсе отменено, и теперь кроме 4 лан и 5 чин архимандриты со священнослужителями да по нескольку в месяц крупы, причисляя к сему даваемую не очень хорошую ханскую воду, более ничего не получают»⁷⁴.

Ученикам цинское правительство выдавало по 3 лян в месяц (6 руб.) и одинаковое с членами миссии натуральное содержание. В августе 1729 г. император определил для них учителей китайского и маньчжурского языков.

Исследовательница научного наследия школы учеников при РДМК Юй Цзе рассматривает этот уникальный опыт в контексте реализации общей образовательной программы Петра I по подготовке русских специалистов за рубежом и как важнейшее условие развития русско-китайских отношений⁷⁵.

Таким образом на официальном уровне российской стороной все было подготовлено для закрепления статуса РДМК в Пекине и для приема 2-й миссии. За исключением отказа пустить в Китай епископа Иннокентия (Кульчицкого) китайская сторона не чинила никаких препятствий в отношении 2-й миссии. Однако на бытовом уровне она не спешила с обустройством Посольского двора, который еще многие годы оставался плохо приспособленным для жизни и деятельности духовной братии: жилые помещения не были отремонтированы, у начальника миссии фактически не было собственных апартаментов, не достроена была церковь, не было собственного колодца и т.д.

Лишь спустя два года после издания св. Синодом определения от 4 августа 1725 г. 2-я миссия смогла отправиться в Пекин. В силу ряда обстоятельств архимандрит Антоний (Платковский) добрался до Пекина лишь в 1729 г.

Кяхтинский договор завершил процесс обретения Российской Духовной Миссией официального права на постоянное пребывание в Китае. Замысел и инициатива Петра I были реализованы, хотя и не в полной мере. Смерть царя-реформатора не позволила претворить в жизнь многое из того, что он связывал с деятельностью духовной миссии в Китае, прежде всего в деле сближения двух народов.

Направляя 1-ю миссию в далекую страну, о жизни которой в то время мало что было известно в России, российские власти должны были бы более тщательно продумать и провести ее подготовку, а затем, снаряжая последующие составы Миссии, учитывать опыт предыдущих и вносить соответствующие коррективы.

Отчеты и впечатления от непродолжительных визитов в Китай в XVII — начале XVIII вв. российских посланников, путешественников и купцов не могли дать сколько-нибудь адекватного представления о том, с какими непредвиденными трудностями предстоит встретиться там русским людям, не знавшим ни местных языков, ни образа жизни и обычаев, ни менталитета народа, в окружении которого на протяжении многих лет им предстояло жить. Важно было знать, как отнесется к ним китайское население, малознакомое с иностранцами, тем более такими колоритными: странные непривычные одежды, цвет лица, окладистые бороды и пр. Западные миссионеры к тому времени уже перешли на китайскую одежду, что впоследствии вопреки запрету св. Синода сделали и члены РДМК.

По приказу царя Петра 1-я миссия формировалась в Сибири, духовенство которой знало о Китае, вероятнее всего, больше из рассказов купцов, ходивших в Пекин с торговыми караванами. Миссия была в ведении Tobольской епархии, что свидетельствовало о недостаточном осознании важности этого дела («то дело зело изрядно...»), и как следствие — невысокий статус самой РДМК. Безусловно, так было удобнее поддерживать связь с Миссией, учитывая огромные расстояния и примитивные транспортные средства.

Еще одним важным свидетельством недооценки РДМК со стороны правительства служит ее недостаточное финансирование без учета китайского менталитета, местной торгово-финансовой конъюнктуры, роста цен, непредвиденных объективных обстоятельств, затруднявших связи с Россией.

Вполне понятно, что отправление миссии в Китай было приурочено к уникальной okazji — возвращению в Пекин посольства, ездившего к калмыцкому хану Аюке, и тут было не до детальной проработки подготовки состава миссии и ее встречи с Китаем. Расчет, видимо, делался на помощь албазинцев. И все-таки на подготовку 1-й миссии времени было вполне достаточно, около 3-х лет. Случайным был и подбор ее членов. 1-я и 2-я миссии не были снабжены инструкциями от духовных и светских властей.

При всех отмеченных выше недочетах не следует забывать, что это был первый выход России на постоянный контакт с цинскими властями, знакомство с китайским обществом непосредственно в столице Срединной империи, насколько это было возможно в начале XVIII в. в закрытом от внешнего мира государстве.

Такое скромное на первый взгляд событие, как появление в Пекине небольшой группы православных священников, означало несомненный успех новой внешнеполитической стратегии российской дипломатии на восточном направлении, главным творцом которой был царь Петр I. Россия, используя возможности евразийского положения, обрела выход на непосредственные контакты с государствами Восточной Азии, а в перспективе на участие в международных отношениях в этом регионе.

На новом уровне межгосударственных отношений России и Китая с согласия цинских властей РДМК вплоть до середины XIX в. выполняла функции неофициального дипломатического представительства Российской империи в Цинской империи. Уникальный пример отклонения Цинов от традиционного обычкновения в отношении с другими странами⁷⁶.

В далеко не простом процессе развития российско-китайских отношений роль 1-й миссии, несмотря на весьма скромные документальные свидетельства о ее положении и деятельности, несомненно, выходит за хронологические рамки срока ее официального пребывания в Пекине.

В той сложной ситуации, в которой оказалась 1-я миссия по прошествии первых лет пребывания в Китае, силами значительно сократившегося численного состава она обеспечила непрерывность проповеди православия на китайской земле вплоть до прибытия 2-й миссии РДМК.

Опыт 1-й миссии был учтен российским правительством и Святейшим Правительственным Синодом уже при подготовке 2-й миссии, в том числе в увеличении ее финансирования. Обретение РДМК стараниями российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского собственной резиденции в центре столицы во всех отношениях было удобно и престижно, повышало ее статус в глазах пекинцев.

Трудно переоценить значение Кяхтинского договора и роль его главного творца С.Л. Владиславича-Рагузинского в официальном закреплении позиций РДМ в Китае, что позволило ей, не ограничиваясь духовным окормлением русской общины, расширять сферу своей деятельности в разных направлениях.

Исторически важным было согласие цинских властей на обучение при РДМК русских учеников официальным языкам Цинского Китая, закрепленное Кяхтинским дого-

вором. Были заложены основы для зарождения и развития российского китаеведения в самой столице Китая.

Нахождение РДМК в Пекине открывало реальные возможности для налаживания плодотворного междивизиационного диалога православной России и конфуцианского Китая на основе «крепчайшего и вечного» мира, равенства сторон, несмотря на то, что каждая из них понимала его по-своему. Исторический опыт взаимодействия России и Китая, двух равновеликих государств-соседей подтверждает его жизнеспособность и плодотворность.

1. Подробно о разносторонней деятельности РДМ в Китае см.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; *его же.* Библиография Китая. М., 1960; *Журавлева В.П.* Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М., 2015; *Ипатова А.С.* Православие на Дальнем Востоке. Историограф. обзор // ПДВ. 2006. № 2. С. 146–156; № 3. С. 180–185; *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая [Адоратского] История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Вып. 1. История Пекинской Духовной Миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Вып. 2. Казань, 1887; Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего ее существования. Пекин, 1916; История Российской Духовной Миссии в Китае: Сб. ст. М., 1997; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1–4. СПб., 1993–2004; Православие в Китае. М., 2010; *Дацьшен В.Г.* История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг, 2010; *Поздняев Д.* Православие в Китае (1900—1997). М., 1998; *Дацьшен В.Г., Чегодаев А.Б.* Архимандрит Петр (Каменский). М.; Гонконг, 2013; *Бэй-гуань.* Краткая история Российской Духовной Миссии в Китае. М.; СПб., 2006; *Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б.* Возрождение святыни: Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. М., 2013; *Самойлов Н.А.* Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014; Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. М., 2013; все изданные тома документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.». М., 1969–2011; *Петров В.* Российская духовная миссия в Китае. Washington, D.C. 1968. *Widmer E.* The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18th Century. Cambridge, (Mass.), 1976 и др.
2. Маньчжурская династия Цин («чистая») правила в Китае с 1644 по 1912 гг., была свергнута Синьхайской революцией 1911–1913 гг.
3. Подробный анализ политики «закрытых дверей» см., напр.: *Ху Сьюн.* Цин чао дэ бушань чжэньце хэ мэньмэйчжуи: [Политика «закрытых дверей» и обскурантизм Цинов] // Цзилинь шидэ сюэбао. 1979. № 2; *Ипатова А.С.* Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история и Восток. Сб. ст. М., 1989. С. 242–251.
4. После открытия в 1861 г. Российской дипломатической миссии в Пекине к ней отошло принадлежавшее РДМК с 1728 г. Южное подворье (Нань-гуань), а за Духовной Миссией осталось только Северное подворье (Бэй-гуань). 30 июля 1954 г. Священный Синод Русской Православной Церкви постановил упразднить Российскую Духовную Миссию в Китае, оставив все православные храмы, построенные на территории Китая, в ведении созданного 5 июня 1946 г. Восточно-Азиатского Экзархата Русской Православной Церкви. 30 марта 1956 г. в Москве было принято решение и о его упразднении в соответствии с протоколом о передаче-приемке имущества РДМ в Китае и Восточно-Азиатского Экзархата, а также на основании материалов об имуществе, представленных Миссией китайской стороне. Все недвижимое имущество безвозмездно передавалось китайскому правительству. 23 ноября того же года Московский Патриархат предоставил Китайской Православной церкви статус автономной, т.е. полностью независимой в делах своего внутреннего управления. Все свое движимое имущество в Китае РПЦ передала ей. Лишь территория площадью в 15,85 га в северной части Бэй-гуаня вместе с находившимися на ней культовыми сооружениями,

- зданиями, постройками и парком предоставлялась Посольству СССР в КНР «в бесплатное и бессрочное пользование» с определением ее границ. (Текст Протокола см.: Православие в Китае. С. 157–159). Посольство СССР в КНР вошло в «Книгу рекордов Гиннеса» как крупнейшее в мире по занимаемой территории. С 1991 г. там располагается Посольство РФ в КНР. В настоящее время на его территории восстановлен Успенский собор, сооружен поклонный крест и создан музей Российской Духовной Миссии в Китае. С 1996 г. на территории Посольства РФ, а с 2005 г. в Генконсульстве РФ и Николаевском храме в Шанхае совершаются богослужения. Ныне и впредь до восстановления иерархической структуры Китайской Автономной Православной Церкви пастырскую ответственность о православных верующих в Китае несет Церковь-Мать — Русская Православная Церковь. В 2013 г. состоялся первый исторический визит Патриарха Кирилла в Китай, в ходе которого Патриарх совершил богослужение в Пекине, Харбине и Шанхае, встретился с председателем КНР Си Цзиньпином, руководителями Государственного управления по делам религий КНР, руководителями провинции Хэйлуньцзян и г. Шанхая, с религиозными лидерами КНР.
5. Китайский благовестник, 1685–1935. Юбилейный сборник, посвященный 250-летию Российской Православной Миссии в Китае. Пекин: Духовная миссия, 1935. С. 23. Владыка Виктор в миру Святин Леонид Викторович (1893–1966), начальник 20-й миссии с 1933 по 1956 гг., вернулся на Родину, где сначала возглавлял Вологодскую епархию. Вскоре был хиротонисан в митрополиты и возглавил Кубанскую и Краснодарскую епархию. (Подробно о нем, его жизни и деятельности см.: *Тихвинский С.Л.* Начальник 20-й Миссии — владыка Виктор // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. С. 84–91; *Кепинг О.В.* Последний начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь // Там же. С. 91–99. О юбилее Миссии см.: *Иванова А.С.* Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.) // Там же. С. 74–84.
 6. *Оглобин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1708). Ч. 3. С. 271. М., 1888; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1 С. 34–35. Документальные свидетельства о положении русских в Приамурье см.: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969; Т. 2. 1686–1693. М., 1972. (Далее: РКО). Об Албазине и других острогах Приамурья см.: *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья в XVII—XVIII вв. Владивосток, 2000.
 7. *Лоча* (лучины) — искаженная транскрипция санскритского слова *ракиас* из буддийского пантеона, означающего демона, преследующего людей. Этим именем наряду с «краснобородыми» маньчжуры называли русских поселенцев в Приамурье.
 8. По мнению Н. Адоратского, это предание было записано со слов потомков пекинских албазинцев в начале XIX в., видимо, кем-то из членов 9-й миссии (1807–1821) и затем опубликовано в «Сибирском вестнике» (1822. Ч. XVIII. С. 110). См.: *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 33–35. Существуют сведения, что оно сохраняется и среди современных потомков албазинцев в Пекине.
 9. РКО в XVII в. Т. 2. 1686–1693. Приложение. С. 673, 677–678.
 10. Головин Федор Алексеевич (1650–1706) — видный политический деятель конца XVII — начала XVIII в., дипломат, генерал-адмирал, сподвижник Петра I. При отправлении во главе посольства «для договора и успокоении ссор с китайским богдыханом» ему было присвоено почетное звание боярского наместника. В 1697–1698 гг. — второй посол в «Великом посольстве» в Западную Европу, по возвращении в Россию был награжден орденом Андрея Первозванного. Занимал высокие государственные посты, в том числе возглавлял вновь созданный Военно-морской приказ. С 1699 по 1706 — глава Посольского приказа (подробно о нем см.: РКО в XVII в. Т. 2. С. 762–763).
 11. Подробно об албазинской трагедии и Нерчинском договоре см.: РКО в XVII в. Т. 1, 2; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958; *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. М., 2014; *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья в XVII—XVIII вв. *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке в XVII в. М., 1974; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — нач. XX в.). Владивосток, 1987 и др. Текст Нерчинского договора см.: РКО в XVII в. Т. 2. С. 645–646.
 12. РКО в XVII в. Т. 2. С. 646.
 13. Там же. С. 676, 678.

14. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 49. Второй император Цинской династии Сюань Е (1654–1722), девиз годов правления Канси (1662–1722).
15. РКО в XVII в. Т. 2. С. 678.
16. Некоторые авторы, ошибочно считают, что русская рота была создана после появления в Пекине албазинских пленников, и на этом основании делают вывод о том, что их было 100 человек. На самом деле она начала формироваться значительно раньше из числа русских перебежчиков и пленных. Подробно об этом и «восьмизнаменных» войсках см.: *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005; *Мелихов Г.В.* Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вопросы истории и экономики), М., 1969. С. 114–124; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 2. С. 364–365.
17. Лифаньюань — центральное учреждение правительства Цинского Китая, ведавшее делами «зависимых территорий»: Монголией, Тибетом и Синьцзяном, а также сношениями с Россией. В дореволюционных источниках и литературе именовалось как Трибунал, Палата, Коллегия внешних сношений или Монгольский приказ.
18. Наряду с этой, наиболее распространенной, существует и другая версия появления о. Максима в Пекине, согласно которой он входил в отряд русских землепроходцев Григория Мыльникова. Летом 1683 г. отряд, покинув Албазин, продвигался дальше по Приамурью. В пути был захвачен в плен маньчжурами и увезен в Пекин (см., например: *Православие в Китае.* С. 20). Некоторые авторы о. Максима ошибочно называют Дмитрием.
19. Чудотворная икона Святого Николая Чудотворца Мирликийского (епископа из г. Миры в Ликийи) мозаичного письма была главной святыней РДМК на протяжении всей ее истории вплоть до закрытия Миссии. После сооружения Успенского собора на территории Бэй-гуаня находилась там и была особо почитаемой русскими людьми в Китае, особенно в эмигрантский период. Об этом см., например: *Кузьминская А.* Святой Николай Мирликийский, Великий Чудотворец (Харбинские воспоминания) // Русь державная. № 3(6). 1994. С. 6.
20. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 47–49.
21. Изображение иконы см.: *Православие в Китае.* С. 17.
22. Вinius Андрей Андреевич (1641–1717) — сын русского купца и заводчика, москвич, голландец по происхождению. Государственный деятель, сподвижник Петра I. Широко образованный, владевший многими европейскими языками, Вinius А.А. был первым российским почтмейстером, возглавлял Аптекарский приказ. По делам Посольского приказа в 1672–1674 гг. выезжал в Европу, по возвращении был произведен в дворянское сословие. Вел переписку с Петром I.
23. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 253–254, 694; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. (Т. 13–14). М., 1962. С. 600.
24. *Православие в Китае.* С. 24–26. Подробно о деятельности западных миссионеров в Китае см. там же; *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002; *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 гг. М., 2001.
25. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 55.
26. Там же. С. 56–57.
27. Текст указа см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Изд. 1-е. Т. 4. № 1800. Здесь и далее цитируется по: РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1990. С. 50. Док. № 5.
28. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 50.
29. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 58.
30. Там же.
31. Там же. С. 59.
32. Там же. С. 53.
33. Там же. С. 60–62.
34. *Софроний (Грибовский).* Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в одном греко-российской веры // Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Под ред. Веселовского Н.И. Вып. 1. СПб., 1905. С. 12.
35. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 75–76.
36. Там же. С. 80–81.; *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 358; *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 33.

- Илларион (Лежайский) (1657–1717). Родом из Чернигова. Окончив Киевскую духовную академию, служил у Черниговского епископа Иоанна (Максимовича), переведенного затем в Тобольск. Вместе с митрополитом Филофеем (Феодором) переехал в Тобольск. В 1702 г. был произведен в архимандриты, назначен начальником Якутского Спасского монастыря, управителем Киренского и Илимского острогов с уездами. Персональный состав миссий с 1-й по 14-ю см.: *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 358–361.
37. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 454. Об этом посольстве см.: Записка Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг.; Записка И.Х. Шничера о сопровождении цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1714–1716 гг. // РКО в XVIII в. Т. 1. Приложения. С. 437–483, 484–486; *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 17–23; *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. № 2(20). 2009. С. 28–39.
38. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 479.
39. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 68.
40. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 13.
41. Выполняя просьбу цинского императора, Петр I направил в Китай хирурга одной из петербургских больниц англичанина Томаса Гарвина. В сопровождении инженера Л. Ланга, солдат и проводников 2 декабря 1715 г. он выехал из Москвы (РКО в XVIII в. Т. 1. С. 168–169. Док. № 122). Летом 1716 г. Т. Гарвин и Л. Ланг присоединились в Селенгинске к торговому каравану, направлявшемуся в Пекин (Там же. С. 602). В 1717 г. Т. Гарвин покинул Китай и вернулся в Россию. С посольством Л.В. Измайлова (в 1719–1722 гг.) в Пекин приезжал из России еще один врач, англичанин Д. Белл (Записку Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. см.: там же. С. 498–554).
42. О положении чиновничества и военных в сословной иерархии Цинской империи, а также о их внутренней структуре подробно см.: *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. С. 225–247; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985. С. 32–33.
43. Лян или лан — китайская мера веса, равная 37,3 г.; слиток серебра этого веса употреблялся в XIV—XIX вв. в качестве основной денежной единицы.
44. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 11.
45. Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 18–19; *Софроний [Грибовский].* Указ. соч. С. 13–14, 33.
46. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 13–14.
47. Подробно об этом см.: *Ипатов А.* Деятельность Российской Духовной Миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 42 (2). С. 320–331. О китайском «обыкновении» см.: *Юй Цзе.* Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 95–104, № 5. С. 148–156. О положении учеников: *Юй Цзе.* Роль Петра I в истории российского китаеведения // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 211–224.
48. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 15.
49. Цинские власти озабоченные тем, что распродажа лучших товаров русских караванов на пути по «Монгольской земле» может ослабить китайское влияние в Монголии, в 1717 г. запретили русскому каравану продавать свои товары в Пекине. На следующий год очередной караван и вовсе не пропустили в Китай, и он остался в Селенгинске (*Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 118–119).
50. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167. Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 19–20. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 73 и др.
51. Эстампы с надгробия архим. Иллариона (Лежайского) на церковно-славянском, китайском и маньчжурском языках см.: Цюаньго маньвэнь тушу цзыляо лянхэ мулу : [Сводный каталог материалов на маньчжурском языке, хранящихся в Китае]. Пекин, 1991. Впервые материалы об этом надгробии и эстампах надписей на нем опубликовала петербургская исследовательница Т.А. Пан (Некоторые даты биографии главы 1-й Пекинской миссии // XXV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1994. С. 60–64). Фотографии эстампов на церковно-славянском и китайском языках А.С. Ипатовой см.: Православие в Китае. С. 38, 39.
52. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167.

53. Копия листа из Сената была переслана в Коллегию иностранных дел (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Китаем. 1721 г. Д. № 3. ЛЛ. 10–10 об.). Далее: АВПРИ.
54. Из черновых писем митрополита Феодора, оставшихся по смерти его в Тюменском монастыре // Иркутские епархальные ведомости. 1863 г. № 11. Цит. по: *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 75.
55. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167.
56. Иннокентий (Кульчицкий) окончил Киевскую духовную академию и был пострижен в монахи в Киево-Печерской лавре. 1714–1718 гг. — преподаватель философии в Славяно-греко-латинской академии в Москве. С 1718 г. — монах Александро-Невской лавры. 10 мая 1720 г. в канцелярии Сената на совещании сенаторов с духовными иерархами было принято решение направить его в Китай начальником 2-й миссии РДМК. В 1721 г. был посвящен в епископы. Не получив согласия цинских властей, Иннокентий (Кульчицкий) с 1727 г. служил в Иркутском Вознесенском монастыре, где открыл училище для местного населения (Там же. С. 307–308. Док. № 183; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 550–551). Указом императрицы Екатерины I от 15 января 1727 г. об образовании Иркутской епархии Иннокентий (Кульчицкий) был назначен епископом Иркутским и Нерчинским (*Наумова О.Э.* Иркутская епархия. XVIII — первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 34).
57. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 99–100; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 85–87.
58. Антоний (Платковский Андрей Германович) (1682? — 1746). В 1701–1710 гг. обучался в киевских школах риторике и другим предметам. В 1710 г. приехал в Москву, где был пострижен в монахи. В 1715–1720 гг. служил иеродьяконом в Тобольске, затем был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. В 1720 г. был направлен в Монголию к хутухте, где пробыл 4 месяца. В составе посольства Л.В. Измайлова (1719–1722) побывал в Китае. В 1724 г. снова был определен настоятелем Вознесенского монастыря для организации «монгольской школы». Затем назначен начальником 2-й миссии РДМ в Китае (Подробно об Антонии (Платковском) см.: РКО в XVIII в. Т. 2. С. 543–546; Примеч. 2. к док. № 19).
59. Измайлов Лев Васильевич (1685–1738) — капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Во время переговоров стало известно о переходе на территорию России большой группы монголов (700 чел.). Цинская сторона прервала переговоры, Измайлов был вынужден покинуть Китай. Подробно о посольстве Л.В. Измайлова см.: РКО в XVIII в. Т. 1. Статейный список посланника Л.В. Измайлова. С. 195–278. Док. № 151.
60. Ланг Лоренц (Лаврентий Лаврентьевич) (1690-е — 1752), швед, с 1712 г. на русской службе. В 1715–1717 гг. по распоряжению Петра I совершил свою первую поездку в Китай, где принял деятельное участие в налаживании российско-китайских торговых связей. Шесть раз ездил в Китай по разным дипломатическим и торговым делам. В 1719–1722 гг. был направлен в Китай в качестве секретаря посольства Л.В. Измайлова, а в 1725 г. включен в состав посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. Затем неоднократно возглавлял торговые караваны в Пекин. В 1739 г. был назначен вице-губернатором г. Иркутска и одновременно руководил караванной торговлей. Автор нескольких проектов по улучшению российско-китайских отношений.
61. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 189. Док. № 142.
62. Инь Чжэнь (1678–1735) — четвертый сын императора Сюань Е. Девиз годов правления Юнчжэн (1723–1735).
63. Владиславич-Рагузинский Савва Лукич (ок. 1760–1738) — граф Иллирийский, потомок боснийских князей на российской службе, государственный деятель, дипломат. С 1701 г. служил в Посольском приказе в Москве, выполнял дипломатические поручения в Западной Европе. В 1725–1728 гг. возглавлял посольство в Цинскую империю для решения вопросов о разграничении в районе Монголии и упорядочении российско-китайской торговли. Несмотря на противодействие цинских властей, российскому послу удалось договорно закрепить принцип равенства сторон, установить добрососедские политические и экономические отношения с Цинской империей, заключив в 1728 г. Кяхтинский договор. 2 января 1728 г. был награжден орденом Александра Невского. 11 июня 2011 г. в Шлиссельбурге был установлен памятник С.Л. Владиславичу-Рагузинскому.
64. *Владиславич-Рагузинский С.Л.* Статейный список. Т. 1 // АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. 1725. Оп. 1. Д. 12а. Л. 450–450 об.

65. РКО в XVIII в. Документы и материалы. Т. 3. 1727 г. С. 189; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004. С. 44; Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 19–20.
66. Дунцзяоминасьян — современное название улицы. У Софрония (Грибовского) она именуется Дзянмисян (Указ. соч. С. 44).
67. На плане г. Пекина, составленном в 1725 г. на китайском и русском языках, эти ворота названы Дайцинмынь. (Копию плана г. Пекина см.: Православие в Китае. С. 41).
68. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 44.
69. Китайская династия Мин («светлая») правила с 1368 по 1644 гг.
70. Хэ Цютао. Шофан бэйчэн : [Готовьте боевые колесницы на страну Полноношную]. Пекин, 1882. Т. 2. Цзюань 12. С. 1–1 об.; Цай Хуншэн. Элосы гуань цзиши : [Записки о Российской [Духовной] Миссии]. Пекин, 2006. С. 17. По плану Сретенского монастыря и Посольского двора, составленному в 1821 г., число зданий, включая вновь построенные, было значительно меньше. (Копию плана см.: Православие в Китае. С. 45).
71. Журнал пребывания в Пекине курьера В.Ф. Братищева // РКО в XVIII в. Документы и материалы. Т. 6. 1752–1765. С. 170–192. Док. № 62.
72. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 44.
73. *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 114–115; 130–132. Однако эти деньги миссия получила лишь в 1732 г., когда прибывший с торговым караваном Л. Ланг сам привез их.
74. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 14. *Чин или гин* — китайская мера веса для серебра и золота, равная 0,1 лян.
75. Юй Цзе. Роль Петра I в истории русского китаеведения // Раздвигая горизонты науки. С. 211–224.
76. В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент. «В практике цинской дипломатии, — поясняет исследовательница Юй Цзе, — под словом “обычай” или “обыкновение” (“ли”) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий (Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 100).